

«Дрезден-кун», голос, раздавшийся позади меня, вызвал реакцию, которая была на перепутье между горьким вздохом смирения и улыбкой предвкушения. «Дрезден-кун, если у тебя есть минутка, я бы хотела с тобой кое о чем поговорить.»

«Ах, Сона!» бодро заявил я, повернувшись к своему заклятому врагу с весьма реальной радостью. «Как твои дела? Боже, ты сегодня очень красиво выглядишь? Ты использовала новую косметику? То, как от нее сверкают твои глаза...»

«Я не пользуюсь косметикой», невозмутимо ответила сама девушка, хотя ее соратница нахмурилась, при этом пристально глядя на меня. «Также, пожалуйста, обращайтесь ко мне как следует: “Кайчо”.»

(Кайчо — японское обращение к председателю или президенту чего-либо. В данном случае к президенту студ-совета. П.П.)

«Конечно, конечно, Сона», сказал я ей, невинно улыбаясь. «Итак, что я могу сделать для тебя в этот прекрасный день? Кино и ужин? Может, прогулка в парке? Или, может быть, что-нибудь более романтическое?»

«Дрезден-кун, я не интересуюсь и никогда не буду интересоваться тобой в романтическом плане», прямо сообщила мне Сона, поправляя очки и прищуриваясь в мою сторону. «Пожалуйста, воздержитесь от подобных высказываний в будущем».

«Ах, но ты выглядишь так мило, когда злишься», сказал я ей с дерзкой ухмылкой. «Твои глаза становятся такими суровыми, и ты так мило сопишь. Как маленький щенок...»

«Да как ты...!» Другая присутствующая девушка, та, что повыше, уже собиралась разразиться тирадой, но быстрый взгляд, который бросила на нее Сона, заставил её замолчать.

«Держи себя в руках, Цубаки», приказала ей президент, и более одаренная ростом вице-президент, или «Фуку-Кайчо», как её называют в этих краях, из студенческого совета поморщилась, закрывая рот. «На провокации мизантропов не следует поддаваться».

У всего этого есть причина. Довольно забавная, в ретроспективе.

Изначально я учился в другой школе, довольно респектабельной, хотя и гораздо ближе к дому и дешевле. Но суть в том, что в той школе были проблемы с издевательствами. Мне сказали, что в японских школах это довольно стандартно, обычные проделки, которые вытворяют дети. Учителя делали что могли, чтобы предотвратить всё это, но всегда находился какой-нибудь проблемный или просто глупый ребенок, который чувствовал потребность выместить все, что его беспокоит, на первом более тихом или маленьком ребенке, попадавшемся ему на глаза.

Проблема была в том, что я не очень люблю хулиганов. Поэтому я взял дело в свои руки.

Одну из тех длинных историй, о которых я упомянул раньше, спустя, учителя и семьи жертв тихо и незаметно поблагодарили меня, а также вежливо, но твердо посоветовали найти новую школу.

Отсюда и мой перевод в нынешнее учебное заведение: Академию Куо. Изначально это была школа только для девочек, и даже сейчас соотношение мужчин и женщин по-прежнему сильно смещалось в сторону последних, особенно в старших классах. Из-за этого меня приняли, несмотря на мою обширную историю насилия, пусть и неохотно.

Эта школа также была одним из немногих мест, которые мне удалось найти, где были настоящие доказательства паранормальщины в этом новом мире.

Помимо этого, мое нынешнее общение с президентом школьного совета фактически началось с недоразумения. Слухи о том, что я участвовал во многих драках, довольно скоро начали распространяться по школе, и один из учеников осторожно подошел ко мне и спросил, янки ли я.

Поскольку я был из Чикаго, естественным ответом было “Да”. Оказывается, в Японии слово “Янки” на жаргоне означало “правонарушитель”. А также, судя по всему, в Японии существует давняя традиция, когда президенты школьных советов пытаются правонарушителей исправить.

«Оооо», — промычал я, звуча впечатлённым. «Мизантроп. Извини, это такое большое слово. Можем ли мы немного упростить его, чтобы я мог уследить за разговором?»

«Мизантроп: тот, кто является нарушителем спокойствия или не соответствует социальным условиям», — Сона снова повернулась ко мне сверкая своими очками, неохотно подыгрывая моим поддразниваниям. «В данном случае — ты, Дрезден-кун.»

«Ох, блин, спасибо, Сона!» Я сказал ей, потирая затылок с фальшивой застенчивостью. Ее глаза сузились еще сильнее, и я усмехнулся.

Я знаю, что мне не следует так сильно ее дразнить. На самом деле, Ситори Сона, как гласило ее полное имя, была трудолюбивой и серьезной молодой леди. Она управляла студенческим сообществом строго, но справедливо и на самом деле была довольно уважаемой личностью.

Честно говоря, она очень напоминала мне Мерфи, и из-за этого она не могла мне не нравиться. Но дело в том, что она больше напоминала мне Мерфи, когда я впервые встретил маленькую полицейскую, а не близкого друга, которым она в итоге стала для меня.

И из-за этого я не мог не попытаться заставить ее немного расслабиться. В знак уважения к Мерфи прошлого.

Кроме того, я не был до конца уверен в этом, но, по-моему, она не была человеком. Из-за этого я также приобрел привычку провоцировать ее, главным образом, чтобы попытаться почувствовать, кем она была.

Что-то из разряда “Держи друзей близко, а врагов еще ближе”.

«Дрезден-кун», продолжила Сона, уставшая от нашей перепалки. «Мне нужно обсудить с тобой несколько вещей. Например, ваше вопиющее неуважение к подобающему дресс-коду...»

«Разве мы это уже не обсуждали?» Я напомнил ей, прислонившись спиной к стене и устраиваясь поудобнее. «Я же говорил тебе, что пошив моей школьной формы заняла некоторое время, и как только у меня появился комплект, я начал его носить...»

«Да, это то, что я неохотно принимаю за твою способность следовать правилам», призналась Сона, прежде чем слегка взглянуть вниз. «Однако вы продолжаете использовать недопустимые аксессуары».

«И я уже дал тебе справку от врача», напомнил я ей, подняв левую руку, перчатка, которую я носил все время, заскрипела, когда я открывал и закрывал ее.

Это было странно — внезапно оказаться в теле, намного моложе того, к которому ты привык. Что было страннее, так это когда на этом теле все еще были все шрамы, которые тебе удалось накопить в ходе многих-многих сражений. Это было как-то связано с тем, как я изменился: мое тело не столько вернулось назад во времени, до того, как появились шрамы, сколько на самом деле изменилось в процессе, который шел параллельно потоку времени...

Э-э, Лэш однажды объяснила мне это, и на тот момент всё имело смысл. По большей части.

Как бы то ни было, за эти годы у меня было несколько довольно ужасных ран. Я мало что мог сделать со шрамами на лице, оставленными перевертышем Нааглоши, но шрамы на руках я мог хотя бы прикрыть. Нетрудно было также уговорить врача действительно выдать мне справку.

Япония была не из тех мест, где восхищались подобными увечьями. Здесь люди предпочитали держать такое в тайне.

«И какой именно шрам врач на самом деле прописал бы прикрыть?» вмешалась Цубаки, сузив глаза и глядя на меня. Она, как и Сона, была прилежной молодой женщиной и обиделась на моё подшучивание над ее начальницей. Она была человеком, который очень уважал власть и надлежащий порядок вещей.

Я, как человек, который не уважал ни то, ни другое, естественно, столкнулся с ней лбами.

Также, она почти наверняка не человек.

«О, моя рука расплавилась после того, как я подрался с вампиром с огнеметом», — сказал я ей с невозмутимым выражением лица. Цубаки моргнула, а затем нахмурилась, полагая, что я что-то выдумываю.

Эх, если бы только она была права.

«Не говоря уже о большом посохе, который ты настаиваешь на том, чтобы носить с собой», продолжила Сона, поморщившись, глядя на вышеупомянутую палку.

«Как зарегистрированный член клуба Бо-дзюцу, вполне естественно, что я буду носить с собой инструменты для тренировок между занятиями», терпеливо ответил я ей. Это тоже правда, и, вероятно, это самое удобное оправдание для того, чтобы держать при себе свой посох, которое я когда-либо встречал. В Японии вид того, как ученики носят с собой тренировочное оружие, не был такой уж редкостью, думаю, это следствие их долгой истории с боевыми искусствами, и пока я предварительно завернул её, никого не волновала длинная палка, которую я таскал с собой практически везде где мог, и в некоторых местах где наверное не мог.

Участник, который ни разу не приходил ни на одну тренировку...» отметила Сона.

«Призрачный участник все еще остается участником», ответил я.

«А вместо этого все время проводит в клубе легкой атлетики, хотя и отказывается участвовать в межшкольных соревнованиях...»

«Мне просто нравится бегать, и я считаю, что конкуренция среди студентов вредна для здоровья». Я был уверенным последователем практики бега. Это был важный навык, в тех ситуациях, где ты сталкиваешься лицом к лицу с чем-то, что может буквально раздавить тебя, как банку пива, одной рукой.

«И это, не считая всех этих нелепых заявлений о том, что ты “Волшебник” ко всему прочему», глаза Соны сверкнули, и я почувствовал, как ее тон стал необычайно ровным.

Она что-то знает, мой хозяин, мягко подтвердила Лэш то, о чём говорили мне мои собственные инстинкты.

«Что я могу сказать? Я с юных лет знал, кем хочу быть, когда вырасту, и у меня нет проблем с тем, чтобы начать пораньше», - ровным голосом сказал я ей, прежде чем озорно улыбнуться. «Разве президент студенческого совета не должен делать все возможное, чтобы поощрять амбиции своих соучеников, которые выбрали свой жизненный путь?»

Цубаки слегка фыркнула, глядя так, как мог смотреть только тот, кто был посвящен во что-то секретное, когда разговаривал с кем-то, кто, по его мнению, не был в курсе. На самом деле это не работало, когда человек, с которым они разговаривали, действительно был в курсе событий, хотя я признаю, что теперь, когда я находился в мире, совершенно чуждом моему собственному, я был не совсем в курсе. Все еще знаю достаточно, чтобы знать, что я знаю больше, чем знают многие.

И, черт возьми, последнее предложение было ожившей тавтологией.

«Обязанность президента студенческого совета — обеспечивать безопасность студенческого сообщества, независимо от того, насколько сомнительной может быть репутация того или иного конкретного студента», — заявила Сона, сдвигая очки и холодно глядя на меня. «А глупые и детские заявления вроде того, что ты волшебник, указывают на то, что мне нужно быть особенно осторожной в вопросах твоей безопасности, Дрезден-кун, несмотря на всю твою мизантропию. Я не хочу больше находить подобные детские шутки среди прочих студентов», Она подняла одну из моих визитных карточек за край, как будто это была лишь грязная вещь, которую она подняла с пола. «Любая угроза школе недопустима».

Самое смешное в том, что я ей верил. Не в том, что мне стоит воспринимать фразу “недопустимо” как некую образную угрозу, что должна заставить меня прекратить раздавать визитки, а скорее в том, что «любая угроза школе не будет допущена», в том смысле, что она не позволит пострадать никому здесь.

Это была одна из причин, по которой я вообще хотел с ней взаимодействовать, несмотря на мои подозрения, что она — некое нечеловеческое существо. Кем бы она ни была, она высоко ценила безопасность этой школы, считала своим долгом обеспечивать и защищать безопасность, независимо от того, как о ней могла подумать общественность.

Как я и говорил. Она напомнила мне Мерфи. В хорошем смысле.

К тому же она была довольно низкой, что только усиливало впечатление.

«Принято к сведению, През», сказал я ей, криво ухмыляясь. Она пристально посмотрела на меня, не одоблив сокращение своего титула, но я отвернулся, стараясь при этом максимально заметно встряхнуть посохом. «Теперь, я думаю, мне пора, несмотря на мою мизантропную натуру, отправиться в клуб. Свидимся!»

Тот факт, что она мне нравится, не помешал мне подготовить и сосредоточить свою волю, чтобы остановить потенциальное нападение на мою спину. Но это была всего лишь общая паранойя, которая помогла мне выжить во время войны, ничего личного.

<http://tl.rulate.ru/book/106348/3801096>